

**ЧЕЛОВЕК В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ:
ОТ ЭДИПА К НАРЦИССУ – КТО СЛЕДУЮЩИЙ?³⁰**

В статье рассматривается переход «от Эдипа к Нарциссу» как смена антропологической модели. Данный переход изоморфен переходу от индустриального капитализма к постиндустриальному обществу потребления. Утверждается, что отложенное потребление формирует тип личности изоморфный Эдипу, а опережающее потребление – Нарциссу. Ставится вопрос о судьбе этих архетипов в цифровом обществе.

Ключевые слова: индустриальная экономика, постиндустриальное общество, общество потребления, опережающее потребление, желание, эдипальная структура, нарциссизм.

Yu.A. Razinov, Samara University

**PERSON IN A POST-INDUSTRIAL SOCIETY:
FROM OEDIPUS TO NARCISSUS – WHO'S NEXT?**

The report examines the transition "from Oedipus to narcissus" as a change in the anthropological model. This transition is isomorphic to the transition from industrial capitalism to a post-industrial consumer society. It is shown that accumulation forms a personality type isomorphic to Oedipus, and preceding consumption forms a type of personality isomorphic to Narcissus. The question is raised about the fate of these archetypes in the digital society.

Keywords: industrial economy, post-industrial society, consumer society, preceding consumption, desire, oedipal structure, narcissism.

Всякая историческая формация не только создает новые технологии, способ производства и тип общественных связей, но и порождает соответствующий им образ человека. Проблема, однако, заключается в том, что человечество не меняется столь же быстро, как меняется создаваемая им действительность. По этой причине возникает существенная дивергенция между целями и результатами прогресса, которая усложняется различием

³⁰ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00910 «Маргинальные феномены человеческого бытия (Антропология ad Marginem)».

поколений. В силу естественной исторической инерции «традиции всех мёртвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [1, с. 5]. Короче говоря, любой проект модернизации рано или поздно упирается в слабое звено – обновление человека.

С этой проблемой в явном виде столкнулись теоретики и практики социализма. Втянув в строительство «светлого будущего» технологически отсталую и полуграмотную страну, они поняли, что это невозможно без «перековки» человека. На решение этой задачи были нацелены советская система образования, молодежная политика и целая культура детства. Идеологической квинтэссенцией строительства нового человека стала концепция «всесторонне развитой личности», о которой знал каждый советский школьник. Нельзя утверждать, что эта идея оказалась абсолютно бесплодной, ибо символическое наследие советского общества до сих пор сверкает образцами «человека возвышенного», имеющего перед собой образ будущего и занятого творчеством «завтрашнего дня». Но эта идея была столь же абстрактной, сколь и далекой от реальности. Кроме того, она не была обеспечена сколько-нибудь внятной антропологической разработкой.

Нomo soveticus онтически был человеком индустриального общества, и в этом смысле он не многим отличался от средневропейского горожанина. Дело в том, что капитализм и социализм, имея общую индустриальную основу, различаются лишь по форме собственности и управления. По сути же экономической основой «реального социализма» был *государственный капитализм с опорой на бюрократию* («партийно-хозяйственный актив»). Сущностью же индустриального производства являются прибавочный машинный труд и отложенное потребление. Поэтому, несмотря на политику социального равенства, реальный социализм воспроизводил основной порок капитализма – отчуждение человека от результатов своего труда и таким образом сохранял внутренне противоречие капитализма – между трудом и капиталом. Переданный в общественную собственность, национализированный капитал по способу воспроизводства всё равно оставался капиталом – механизмом производства прибавочной стоимости и её отчуждения, с той лишь разницей, что последнее осуществлялось путем государственного, а не частного присвоения.

Перманентная борьба с «расхитителями государственной собственности» и проявлениями «частно-собственнических инстинктов», как известно, закончилась провалом. В 90-е годы в страну вернулся дикий капитализм. Скорость и масштаб реставрации частной собственности показали, что социализм и капитализм имеют не только общую индустриальную, но и антропологическую основу. Этой основой являются *производственный энтузиазм и отложенное потребление*. На этой основе

или матрице производились многочисленные персонажи трудовой аскезы – от бескорыстных рыцарей социализма (Павка Корчагин) до кропотливых служителей протестантского капитализма (от Фауста до Гобсека).

Переход в новую – постиндустриальную – стадию имел ряд важнейших антропологических эффектов, вызванных смещением в структуре труда и потребления. Если в индустриальном обществе образ человека преимущественно определялся через категорию «работника», то в постиндустриальном мире он определяется через категорию «потребителя». И такая смена терминов имеет в виду существенную *трансформацию в эйдосе человека*. Если протестантская этика индустриального капитализма (М. Вебер) была ориентирована на идеал *труда* и человека, способного к *отложенному потреблению*, то постиндустриальное общество формирует человека, ориентированного на идею *опережающего потребления* с ценностью *праздности* и *досуга*.

Структура отложенного потребления имеет важный антропологический эффект. Она формирует, говоря словами Л. Гумилева, *людей длинной воли* – деятелей по преобразованию мира, вовлеченных в долгосрочное планирование и способных преследовать отдаленные цели. Перманентная отсрочка в исполнении желания формирует невротика, но вместе с тем человека нужды и терпения. Терпение требует напряжение воли и мобилизации сил, что создает условие для проработки желания и глубины чувств, как это запечатлено в стихотворении И. Бродского «Мужчина, засыпающий один» («умеющий любить, умеет ждать»). Структура опережающего потребления, напротив, формирует *людей короткой воли*, ориентированных на моментальное удовлетворение желаний «здесь» и «теперь». Она культивирует разрядку желания, насаждая повсеместно гедонистический культ удовольствия, праздной расслабленности и скольжения по поверхности чувств и смыслов. Такое смещение акцентов соответствует настроению и установке потребителя: *зачем откладывать на потом, то, что можно получить здесь и теперь!* Долгосрочному инвестированию в будущее грядущих поколений противопоставляется ценность сегодняшнего дня. И такой *modus vivendi* изоморфен постиндустриальному обществу потребления, где на смену экономике долгосрочных инвестиций приходит идеология «быстрых денег».

Антропологический смысл перехода от индустриального общества к постиндустриальному может быть выражен с помощью двух архетипических фигур, образов-моделей или мифологем – Эдипа и Нарцисса. З. Фрейд не просто ввел так называемые «Эдиповы координаты» как универсальный принцип определения человека, но применил их к анализу человека современного ему индустриального капитализма, а этот человек по преимуществу был невротиком. По оценке Ж. Делеза и

Ф. Гваттари, «психоаналитик стал лакеем Эдипа, великого агента антипроизводства в желании» [2, с. 92]. Но, кроме того, Фрейд реанимировал мифологему Нарцисса, однако не придал ей аналогичного статуса *системы координат*. Нарцисс мыслился им в рамках всё той же эдипальной структуры как аномальное отклонение от неё. Между тем, нарастающий нарциссизм потребительской цивилизации выводит фигуру Нарцисса на передний план. Речь идёт о переходе «от Эдипа к Нарциссу», который изоморфен переходу от индустриальной к постиндустриальной стадии общественного производства.

Индустриальный капитализм опирался на эдипальную структуру и институты её порождающие. При этом он жестоко эксплуатировал эту структуру, производя невротическую личность, которая и занимает центральное место в психоанализе. *Эдип – это фигура подавленного желания, вины и ответственности*. В этой связи Делёз и Гваттари в «Анти-Эдипе» говорят о «насильственной эдипизации шизофреника» и ставят задачу освободительной «шизофренизации Эдипа» [2]. Постиндустриальный капитализм, а с ним и вся философия постмодерна объективно направлены на разрушение эдипальной структуры и порождающие её институты – семью, церковь и государство. Те же Делёз и Гваттари практически открыто выступают против этих институтов как институтов власти. А так как семье здесь принадлежит решающая роль, то критика Эдипова треугольника «папа–мама–ребенок» призвана решить главную задачу шизоанализа – «выведение семьи за пределы общественного поля» [2, с. 416]. Центральной повесткой шизоанализа, повторимся, была «деэдипизация шизофреника» или «шизофренизации Эдипа», что, по мнению Делёза и Гваттари, соответствует «духу капитализма». Но какого? В «Анти-Эдипе» ещё нет концептуального различия двух стадий капитализма (индустриального и постиндустриального), ибо этот переход едва наметился. Между тем, говоря о «духе капитализма», они уже имели в виду новую постиндустриальную ситуацию. Отсюда и столь острое противопоставление Эдипа и шизофреника, в котором упущена связь эдипальной модели и раннего капитализма. И то, что шизоанализ не получил дальнейшего развития, – свидетельство того, что тема «шизофренизации Эдипа» была грубой натяжкой. Сегодня речь должна идти о более сложной конфигурации человека, в которой нарциссизм скрещивается с шизоидностью, аутизмом и паранойей (в неклиническом смысле этих терминов). Вполне вероятно, что цифровое информационное общество создаст условия для «человека подозрительного» (параноидного), вынужденного проверять и перепроверять информацию и источники. Но пока «есть много оснований утверждать, что мы живем в эпоху нарциссизма» [3, с. 14].

Итак, если Эдип – это фигура вины, то Нарцисс – это фигура обольщения. В системе координат Нарцисса нарушена отцовская метафора, а вместе с ней утрачена безусловность *другого*, который значим лишь в качестве зеркала для нарциссических проекций. *Разность между Эдипом и Нарциссом выражена в характере референциальных связей с другим.* Если Эдип постоянно проваливается во *внутреннюю* референцию со сверхзначимым *другим*, то Нарцисс скользит по поверхности *внешней* референции. *Референциальная связанность Эдипа носит характер запоздалого эха. Внутреннее напряжение в Эдипе обусловлено длительностью ожидания – тем драматическим промежутком между «вопросом» и «ответом», который невротизирует субъекта. Референциальная связанность Нарцисса обустроена иначе – как моментальный отклик и скольжение по поверхности оценок. Его идентичность – эффект отражающей поверхности.* И если конституция Эдипа продиктована господством отцовской метафоры (эдипальное Сверх-Я), то конституция Нарцисса обусловлена всё более заявляющем о своих правах материнским началом. Как писал Ж. Керсола в конце 70-х, «в игру вступает материнское, океаническое чувство, влечение смерти. Это грозит не столько неврозом, сколько психотическим расстройством. Патологический нарциссизм... Известными считаются формы социальной связи, которые строятся на Эдипе. Но что делать власти, когда все это уже не работает? Взамен авторитета – обольщение?» [4, с. 286–287]. Вопрос таким образом заключается в том, на каких основаниях будет строиться общественная связь на руинах эдипальной структуры и какой будет судьба Нарцисса в цифровом обществе?

Очевидно, что в рамках общества потребления Эдип уступает Нарциссу, т.к. является «плохим» потребителем. Но еще более важные последствия для проседания эдипальной структуры несет разрушение института семьи и ослабление авторитета церкви и государства. Если Фрейд описывал нарциссизм как отклонение, возникающее в рамках семейной структуры, как эффект незавершенного Эдипова комплекса, то в постиндустриальном обществе нарциссизм выходит за границы семьи, становясь широким общественным явлением. Так, по данным Национального института здравоохранения США за 2008 г. поведение 10 % американцев в возрасте от 20 до 29 лет соответствует критериям тяжелого нарциссизма, а в возрастной категории 60–69 лет таким критериям отвечают всего 3% [3, с. 14]. И это только цифры клинических случаев, а сколько скрытых, непроявленных нарциссов и сколько их прибавилось за последние 13 лет? Судя по количеству статей и видеороликов на тему «нарциссического абьюза», которыми пестрит интернет, *социальный нарциссизм* – это отнюдь не надуманная проблема. И это не просто психологическая проблема отдельных лиц, страдающих «нарциссическим расстройством личности». Это

коллективная проблема отчуждения и атомизации индивидов, обусловленная трансформацией в символическом порядке *Другого*. Как отмечал Ж. Бодрийяр ещё в 1970 году, «нарциссизм индивида в обществе потребления не является наслаждением единичностью, он представляет собой преломление коллективных черт. Между тем он всегда выступает как нарциссическое вложение в «себя самого» [5, с. 127].

Цифровые и сетевые технологии расширяют для Нарцисса референтное пространство зеркал. Сверхбыстрая коммуникация устраняет эффекты запоздалого ответа. Кроме того, сетевая структура горизонтальных связей разрушает важное для Эдипа иерархическое пространство смыслов. Наконец, социальные сети создают идеальные условия для производства фальшивого зеркального образа, равно как и для симуляции подлинной связи с другим, а это главные кирпичики в конституции Нарцисса. Но, рассуждая так, мы имеем в виду только историческую инерцию. Вполне возможно, что переход в новый общественно-экономический уклад и отказ от стимулирования потребления создадут условия для ослабления самой оппозиции Эдипа и Нарцисса и явят нам новый тип человека, который будет менее зависим как от инстанции вины, так и от инстанции обольщения. Какой мифологической (порождающей) модели будет соответствовать новый человек – это вопрос на будущее.

Список литературы:

1. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К. Энгельс Ф. Избр. соч. в 9 т. Т. 4. М.: Политиздат, 1986. С.1-93.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.
3. Чаморо-Премюзик Т. Уверенность в себе. Как повысить самооценку, преодолеть страхи и Сомнения. М.: Альпина Паблишер, 2014. 272 с.
4. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: AdMarginem, 2000. 320 с.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.